Про Добрыню и Дуная

Как во стольнём-то во городи во Киеви,
Что у ласкового у князя да у Владимира
Заводилось пированиё да стол почестен пир,
Что на многих на князей, на боя́р, бога́тырей
И про всю же полени́цу да приудалую.
Тут по гривенке Владимир да князь похаживат,
Своима́ желтыма́ кудрями да он потряхиват:
«Еще все же у мня в городи поженёны,
Красны девушки всё взамуж у мня повыданы,
Я один-то, князь Владимир, у вас холо́ст хожу.
Вы не знаете ле мне да где обручницю,
Что лицём была красна она, умом сверстна,
Еще полного большого была возраста.
Ее очи бы ясны — как у сокола,
Ее брови бы черны — как у соболя,
У ей речь-то бы — все павиная,
У ей походка была бы — лебединая?»
Как тут старшой хоронится за среднего,
А середний хоронится за младшего,
А от младшего Владимиру ответа нет.
Из-за того ли стола из-за середнего
Тут вставает Олёшенька Попович млад:
«Я нашел тебе невесту-обручницу,
Во чистом поле поляницу удалую.
У тихого Дуная сына Ивановича
Есть княгиня — лицом красна и умом сверстна,
Она полного большого возраста,
А походка у ей — все павиная,
Еще речь у ей — лебединая!»
Из-за того ли стола из-за старшего
Тут вставает Добрынюшка Никитич млад:
«Уж ты ой еси, красно солнышко, Владимир-князь,
Ты позволь мне слово молвити,
Не изволь за слово ка́знити.
Еще как же это можно у жива мужа жену отнять?

Ты упустишь ясна сокола,
Не поймать тебе лебедь белую!»
На то слово князь Владимир осердился же,
Приказал он посадить Добрыню в глубоки погребы.
Отправлял он Олёшеньку Поповича за невестою.
Тут поехал Олёша во чисто поле,
Тут нашел он Дуная сына Ивановича.
Подает ему Олёшенька ярлыки скорописчаты:
Еще просит князь жену себе в обручницы.
Говорит тут Дунай сын Иванович:
«Дай нам погулять с женой еще полчасика!»
Тут отъехали они близко ли, далёко ли,
Натянули против дру́г друга туги луки,
Друг у друга прострелили груди белые.
Приезжает тут Олёшенька Попович млад,
Приезжает он невесел из чиста поля.
Говорит тут красно солнышко Владимир-князь:
«Выводите вы Добрынюшка из погреба
За еговы речи за разумные!»
Он дарил его тут шубой куньею,
Еще стал он у Добрынюшки выспрашивать:
«Ты не знашь ли мне невесты-обручницы,
Чтоб лицом красна и умом сверстна,
Очи — ясна сокола, брови — черна соболя,
Что походочка у ей — павиная,
Тиха речь — лебединая?» —
«У царя у шамахинского
Есть невеста-обручница
Что по имени Ефросинья-королевишна.
Вот лицом она красна да и умом сверстна,
Что походочка у ней — да все павиная,
Речь у ней — да лебединая».
Отправляют тогда стара казака Илью Муромца
И Добрынюшку Никитича:
«Поезжайте вы без драку, без бою, без кроволития!»
Тут поехали сильные богатыри
Что во то ли королевство Шамахинское,
Короля-то дома не случилося.
Подъезжали они ко гривенке королевскоей,

Привязали добрых коней ко столбу точеному,
Забегали они ко Ефросинье во гривенку.
Ефросинья сидит за кросёнцами
В одной тоненькой беленькой рубашечке.
Ей бросали ярлыки князя Владимира:
«Ты сряжайся, собирайся, нас не останавливай!..»
Тут заплакала Ефросинья-королевишна:
«Кабы дома у меня сестра родимая,
Та ли Настасья-королевишна!
Не бывала она дома двенадцать лет!..»
Тут поплакала Ефросинья-королевишна:
Увезли ее ко князю ко Владимиру.

(Зап. Н. П. Колпаковой, В. В. Коргузаловым 10 августа 1958 г.: г. Мезень Мезенского р-на — от Паюсовой Афанасии Ефремовны, 80 лет.)

Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967.